

Антоний Крылов, поп Иван Наседка. Неизвестно, была ли между ними и Арсением какая-либо переписка после совместной работы над исправлением книг и освобождения от наказания. Сам Арсений писал из заточения, как уже указывалось, боярину Б. М. Салтыкову и протопопу Ивану Лукьяновичу; может быть, и они ему писали, но их письма до нас не дошли.

По нашему мнению, имя автора послания все же указывается в самом послании, именно в следующих стихах (10—11):

Но обаче отрыгновение твое по именованию венец¹³
 Тако же молит получитьи от бога добрый конец.

Слово «венец» есть в данном случае, очевидно, перевод с греческого языка на русский язык мужского имени «Стефан» (στέφανος — венец), и оно явно относится к автору послания, что подтверждается и последующими стихами (12—13):

Падая на земли, много челом бьем
 И от сердечнаго желанія к тебе вопнем.

Тогда слово «отрыгновение» можно истолковать как «ученик» или «помощник», т. е. подразумевать под этим словом человека, как-то близкого Арсению. Скорее всего это был или кто-либо из иноков Троице-Сергиева монастыря или помощник Арсения по исправлению книг во время работы его на Печатном дворе. В связи с этим у Стефана и Арсения могли быть общие недоброжелатели из среды тогдашнего московского консервативного духовенства, те «ненавистники», от которых пострадал Арсений и которых, по-видимому, Стефан и имеет в виду в своем послании.

Стефан называет свое послание «утешительным словом», цель его — выразить сочувствие Арсению в связи с нападками врагов и сожаление о его отъезде из Москвы, вследствие чего его друзья лишились мудрого и просвещенного наставника. Стефан просит Арсения не гневаться, что долго не писал ему, ссылаясь на разные «житейские суеты», а также и на то, что и сам собирался ехать к Арсению и ждал его приезда в Москву (132—134, 138—145).

Как человек начитанный, Стефан, можно думать, был знаком с произведениями виршевой поэзии своих русских современников, а также с ее образцами по печатным украинским и литовским изданиям XVI—начала XVII в. Нет поэтому ничего удивительного в том, что свое послание Арсению Стефан написал в стихотворной форме. Но также несомненно, что перед нами не первый опыт Стефана. Правда, в послании имеют место как будто пропуски стихов, а с другой стороны, — стихи, которые кажутся случайными вставками, некоторые искажения текста, ошибки в рифмах, но все это вероятнее всего должно быть отнесено за счет небрежности, невнимательности, неправильного чтения переписчиками текста послания.¹⁴

¹³ Разрядка наша, — И Г

¹⁴ Так, случаи пропусков или вставок, по нашему мнению, наличествуют в следующих местах послания: в стихах 20—25 (между стихами 20—21 и 24—25) —

А пожалуйшь своим благоутробием про нас вопросишь,
 Да даст ти господь, чего у него просишь,
 А мы грешнии, по сей час душевне живы,
 Аше и возрастают в ней помыслы гниавы,
 А в сквернем теле его же святая воля,
 А въпред он же сам истинный свет вестъ;